

Двадцать девятого ноября, в день памяти Виктора Астафьева, в Красноярске объявили лауреатов Всероссийской премии имени великого русского писателя. Победителем в номинации «Проза» стал иркутянин Андрей Антипин. О том, как воспринял эту новость, об отношении к знаменитым сибирякам Астафьеву и Распутину, о любимом авторе и своей жизни в посёлке на берегу Лены, а также о многом другом он рассказал в интервью, которое предлагается вниманию читателей.

— После школы вы поступили учиться на факультет биологии и охотоведения Иркутской сельскохозяйственной академии, а не на филфак, который в итоге окончили. Что определило первоначальный выбор, и почему всё-таки стали филологом?

— О существовании такой науки, как филология, в школьные годы не знал. Но в любом случае рванул бы в охотоведы, потому что примерно с седьмого класса мечтал стать государственным инспектором в сфере охраны природы. Стать словесником — такой мечты не было. Можно сказать, выбрал филфак от безысходности, потому что охотоведа из меня не получилось — вынужден был покинуть факультет, проучившись полгода...

— И почему?

— На то были свои причины. Не хотелось бы распространяться. Могу лишь сказать, что, когда спустя несколько лет в Иркутской сельхозакадемии прошли чистки на предмет коррумпированности преподавательского состава и всевозможного начальства и по местному тв были показаны кадры задержания известной мне особы, выполнявшей роль связного, я почувствовал пусть запоздалое, но удовлетворение. Справедливость восторжествовала. Правда, прежде я похоронил юношескую мечту.

— Заочно учились на филфаке, теперь вы профессиональный филолог. Помогло это вам в писательстве? Или это скорее для общего образования? Легко ли давалась учёба? Вы ведь ещё и работали... Словом, как справлялись?

— Факультет филологии предпочёл, потому что из всех доступных в Иркутске он более всего отвечал моим писательским амбициям, которые к тому моменту дали знать о себе со всей определённой. Жил бы в Москве или имел соответствующую возможность — подал бы документы в Литинститут.

Впрочем, на писателя, как принято считать, не учат. Вот и филфак если чем-то и помог мне, то в плане общего теоретического знания о русском языке и русской литературе. Практические навыки приобретал сам.

Учился заочно, работая сторожем в Доме культуры родного посёлка. Понятное дело, вопрос о том, насколько трудно совмещать работу с учёбой, никогда не стоял.

Учился хорошо, игнорируя неинтересное или противное моему сердцу и с увлечением отдаваясь тому, что находило отклик в душе. Для примера: зарубежную литературу недолюбливал — за атеизм и практицизм как две основные мировоззренческие доминанты в западной культуре. Поэтому за пятёрками по этому предмету не гонялся; в дипломе, если не ошибаюсь, напротив графы «Зарубежная литература» значится «удовлетворительно». А вот русская классика была моей Родиной...

— Интересно, какие писатели были вашими любимыми до поступления в вуз и какие — после? Как вообще изменились ваши вкусы? Или не изменились?

— Любимым писателем для меня всегда был Иван Бунин. Факультет не отвратил меня от этого имени, и на том спасибо. А вообще мои «вкусы» за время учёбы на филфаке, безусловно, развились. Но развитие шло скорее на углубление, чем на расширение. Нет, я, конечно, узнал много нового, открыл для себя ранее неизвестные мне персоналии, вообще поднаторел в некоей необходимой для писателя культурной географии. Но сейчас так сразу не вспомню, в кого, в какого конкретно поэта или прозаика филфак «влюбил» меня так, чтобы эта любовь жила в моём сердце до сих пор. Я пришёл в университет со своими большими и малыми любовями, с ними и отправился в большую жизнь.

— *Ваша мама — библиотекарь. Это, наверное, она привила вкус к чтению? Что посоветуете читать детям — можно прямо список — и почему?*

— Мама, безусловно, воспитала во мне любовь к книгам. В раннем детстве мама читала мне русские народные сказки, что-то из классики, в основном стихи. Имён, к сожалению, почти не помню, был слишком мал. Вразброс: Пушкин, Ершов, Андерсен, Бажов, Агния Барто, Михалков... Из того, что осело в памяти, когда я стал старше, могу назвать «Эмилия из Лённеберги» Астрид Линдгрен, её же «Мальша и Карлсона» в переводе Лунгиной (научившись читать, зачитал эту книгу в хлам), книги об индейцах, о первобытных людях. Сам уже читал — по маминому наставлению — любимейшего Эрнеста Сетона-Томпсона («Маленькие дикари»), «Робинзона Крузо» Дефо, культовые повести Аркадия Рыбакова «Кортик» и «Бронзовая птица», сибирского детского писателя Геннадия Михасенко — повести «Кандаурские мальчишки», «Неугомонные бездельники», «Я дружу с Бабой-Ягой»... Из появившегося в девяностые помню «Приключения Печенюшкина», мне подарили эту книгу на день рождения (тогда ещё дарили книги!). Астафьевское «Васюткино озеро» — тоже из детства, но это уже школьная хрестоматия. Книг было много. Назвал те, что вспомнил сразу, не напрягая памяти.

Но советовать наверняка могу только русские сказки и сказки великих писателей мира (того же Андерсена), русскую и мировую детскую классику. Обязательно — стихи!

Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдими, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы, и боли,
В которых так много любви!

«Буря мглого из кроет...», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Несжатая полоска» того же Некрасова, есенинская «Берёза» — как без этого можно жить? Зачем вообще появляться на свет, если над вашей кроваткой не прозвучат эти волшебные слова? Это — обворованное детство, печальная участь духовного кастрата.

А почему сказки и классику — понять очень просто. Достаточно почитать современные псевдохудожественные поделки, адресованные детям, посмотреть мультики с фиолетовыми уродами

в качестве главных действующих лиц, полистать детские комиксы, вызывающие в памяти триллеры Хичкока, как желание вернуться к старым добрым книгам придёт само.

— *С каких лет вы начали писать? И как отреагировали близкие?*

— Писать начал рано. Точку отсчёта не назову, поскольку трудно определить, что есть начало и правильно ли в качестве такового полагать собственно процесс записывания своих мыслей на некий носитель, будь то тетрадь или забор. Писателем становятся раньше, и этот дописьменный, подсознательный период, вероятно, и следует считать стартом.

От близких скрывал, хотя все знали о моих блокнотиках, которые я старательно прятал. Боялся любопытства, почти так же как боюсь его сейчас, предвидя некоторые вопросы.

— *Как вообще относятся в вашем посёлке к вашему творчеству? В курсе, что рядом живёт человек не совсем обычной судьбы?*

— Разговоров о своих сочинениях ни с кем из поселковых не веду, все возникающие либо блокирую, либо стараюсь дистанцироваться односложностью ответов. Надо отдать должное землякам: они особо не любопытствуют, к писательству моему относятся терпимо, разница между равнодушием и приязнью не столь велика.

— *Все писатели, которые живут вне столицы, нервничают оттого, что далеки от литературных встреч, от людей творческих. Нет желания переехать в Москву? Или ещё не созрели?*

— Это заблуждение — думать, что все провинциалы нервничают и днём с огнём, а ночью с лучиной ищут «литературных встреч». Я не нервничаю, не ищу. В моём посёлке не было ни одного знакомого мне писателя и — пока я волен распоряжаться этим — не будет. Это к вопросу о том, обуревают ли меня «желание» переехать в столицу и сколь сильна во мне жажда общения с «людьми творческими». Знаю одно: моя изолированность лишь во спасение мне. Остальное не главное, а может быть, даже лишнее.

Для меня гораздо дороже общение с деревенским стариком или старухой, с женщиной или ребёнком, с рыбаками и охотниками. Вообще, люблю людей естественного течения мысли. Они не обременены необходимостью «подмечать», «фиксировать», «творить», лезть к тебе в душу за-ради художественной корысти. И мне с ними легко, отдохновенно. Душа светла.

— *Судя по всему, вы не любите город. Почему?*

— Я нигде не писал о своей нелюбви к городу. Вопрос поставлен некорректно. Потом, неприязнь

к городу со стороны деревенского жителя, к тому же если он писатель, — тема устаревшая, нежизнеспособная и, с моей точки зрения, вульгарная.

Зачем сталкивать лбами город и деревню? Там и там живут люди. Там и там они страдают, любят, болеют, бывают счастливы, грустят, смеются, лишаются чего-то крайне дорогого для себя или, наоборот, сами отдают за бесценок, в свой срок — рождаются или рожают, а в отведённый час умирают либо провожают в последний путь.

Дело не в местожительстве, по большому счёту. Все мы ходим под одним небом.

— *Над чем вы сейчас работаете? Хотели бы написать пьесу или сценарий для фильма?*

— О работе своей предпочитаю не распространяться. Только если есть повод. А он для меня один — публикация. Всё, что этому предшествует, — внутриутробный период в жизни произведения. Интерес к этому периоду считаю патологичным.

Пьесу когда-то хотел написать, но не обнаружил в себе таких способностей. Строчить сценарии для телесериалов на тему современной деревни предлагали, когда я учился на филфаке и уже публиковался как прозаик. Отказался из эстетических соображений: слишком уж отвратным показалось мне «мыло», которое прислали из сценарного отдела одного федерального телеканала, дабы я, так сказать, учёл и проникся. Судя по тому, какого качества кинопродукция заполонила экраны, все эти отвергнутые мной душещипательные истории о милых бурёнках, зелёной травке и прекрасной девице с бидоном впоследствии были экранизированы. Вот такая «Доярка из Хацапетовки».

— *Не мешают ли вам поездки? Я знаю, что вы с Тарковским и Василием Авченко собираетесь в Магадан — встречаться с читателями.*

— В поездках бываю редко. Поскольку пишу, к сожалению, не чаще, одно другому не помеха.

— *Кем и где вы сейчас работаете? Кроме литературы, что приносит деньги? И когда получается писать?*

— Литература никогда особых денег не приносила, скорее выносила. В разное время приходилось работать сторожем, корреспондентом городской газеты. Но в основном кормился сельским трудом, занимался рыбалкой и охотой.

Отвечая на вопрос о том, когда получается писать, в моём случае нужно говорить не столько о дефиците времени, сколько о недостатке мотивации. При том, что времени на писанину действительно с гулькин нос. Быт деревенского писателя в этом смысле если и рождает идиллические картинки, так только в сознании тех, кто в деревне никогда не жил. Точнее, не жил типично деревенской жизнью. А то ведь история русской

литературы знавала и таких любителей пасторали, кто в перерывах между литературной работой тешил самолюбие «хождениями в народ», кладкой печей в мужичьих избах и всяческим другим «опрощением». Говорю это при всём моём глубочайшем почтении к художественному гению Льва Николаевича. Хотя не могу не заметить, что, если бы обстоятельства жизни этого великого писателя складывались в обратной последовательности и на литературный труд выкраивалось бы столько же времени, сколько на печные работы, вряд ли бы в русской литературе вознеслась эта вершина.

К слову, и нынче тьма «дачников» из числа писательских секретарей и прочих прихлебателей. Этим сезонная жизнь в деревне, конечно, только во благо. Знай пиши с утра до вечера, что твой барин. Другого они всё равно не умеют.

— *Что вы сами выделяете из прозы Астафьева и к чему возвращаетесь?*

— Люблю многое, в разное время перечитываю что-то требующееся в конкретную пору жизни. Особенно ценю рассказ «Пролётный гусь». В нём качество прозы и её деятельная сила явлены в той исключительности, которая представляется мне признаком если не совершенства, то чего-то близкого к нему.

— *Кое-кто утверждает, что вы — продолжатель художественных традиций Валентина Распутина. Как вы сами полагаете? «Ваши» Распутин? Может быть, расскажете о личных встречах, если, конечно, таковые были?*

— Подтверждать или опровергать факт наследования считаю для себя невозможным. Пусть в этом разбираются другие. Могу только уверить: ни одной строчки я не написал для того, чтобы понравиться ещё здравствовавшему тогда Валентину Григорьевичу. Никогда не старался попасться на глаза, полюбовиться, набиться в ученики, не говоря уж о том, чтобы выставить себя «наследником», «продолжателем традиции» и прочее. Это придумали те, кому вообще не чуждо скудомыслие. Ведь всегда проще выстрелить кому-нибудь в спину присоской с привязанной ниткой, чем назвать возникшее явление единственно верными для него словами, избегая сравнений, уподоблений и всего того, что, конечно, вводит это явление в некий культурный контекст, но при этом скорее удаляет от истины, чем приближает к ней.

«Мой» Распутин — «Уроки французского», «В ту же землю», «Нежданно-негаданно», «В непогоду». Второй из списка, наряду с помянутым рассказом Астафьева «Пролётный гусь», считаю венцом малой русской прозы конца двадцатого века. Для меня это драгоценные и, увы, недостижимые образцы, которые я всегда держу перед глазами.

Личных встреч с писателем, по сути, не было, хотя несколько раз видел его. В последний—в Знаменском соборе Иркутска, где Валентина Григорьевича отпевали.

Нас познакомили. Поспособствовал этому иркутский журналист и заядлый книголюб Константин Яковлевич Житов. Это было в сентябре две тысячи одиннадцатого года в фойе иркутской филармонии, перед концертом Евгении Смольяниновой, которую Валентин Григорьевич пригласил выступить в рамках празднования «Дней русской духовности и культуры „Сияние России“». Распутин шёл через зал большими шагами. Так ходят люди, которые хотели бы от всех скрыться, стать незаметными, сесть где-нибудь в углу, лишь бы их не видели, не лезли к ним с высокими словами, тем паче с просьбами дать автограф или встать рядышком для общего фото. Житов, человек вообще бесцеремонный, к тому же добрый приятель Распутина, окликнул его. Распутин приостановился. В ответ на рекомендацию, выданную в отношении меня Житовым, Валентин Григорьевич без всякой эмоции на лице протянул мне руку, сказал: «Извините, мне надо идти!»— и пошёл дальше, ткнулся в одну, потом в другую дверь. Я понял, что он искал ту, за которой ждала выхода на сцену Смольянинова.

Так получилось, что живым писателя я больше не видел.

— Как этот год пандемии сказался на вас? Что-то изменилось в вашей жизни? Может, что-то переосмыслили? Как вы сами ко всему этому относитесь?

— Страшно за больных и пожилых в первую очередь. За всех— переживаю. Всем желаю здоровья. Сам весеннюю волну пересидел в деревне, которая в эти дни будто вымерла, ни одной души на улице. Готовил к изданию сборник повестей и рассказов. Пять лет назад в посёлке появился высокоскоростной Интернет, и такая дистанционная работа, слава Богу, стала возможной. Согласовали текст, сверстали, оформили. Осталось найти средства и напечатать.

— И последнее. Хоть вы сравнительно молоды (кстати, не скажешь по вашей прозе: кажется, её пишет человек намного старше вас), ваши мечты... О чём они? Чего вы ждёте от жизни?

— Очень личный вопрос. Врать не хочу, говорить расхожие слова— тем более. Пусть Господь распорядится мной так, как это записано в Его тетрадах.